

Оглавление

Иллюстрации	7
Карты	9
Благодарности	17
Глава 1. Новый взгляд на Средние века	18
Глава 2. Рим и его западные преемники: 500–750 гг.	43
Глава 3. Кризис и преобразования на Востоке: 500–850/1000 гг.	68
Глава 4. Эксперимент Каролингов: 750–1000 гг.	89
Глава 5. Расширение границ христианской Европы: 500–1100 гг.	112
Глава 6. Передел Западной Европы: 1000–1150 гг.	134
Глава 7. Долгий экономический подъем: 950–1300 гг.	160
Глава 8. Неоднозначность восстановления централизованной власти: 1150–1300 гг.	183
Глава 9. Крах альтернативных возможностей, 1204 г.	217
Глава 10. Гендерные роли и сообщества в позднесредневековой Европе	235
Глава 11. Деньги, война и смерть: 1350–1500 гг.	263
Глава 12. Переосмысление политики: 1350–1500 гг.	292
Заключение	312
Библиография	318
Примечания	363
Предметно-именной указатель	414

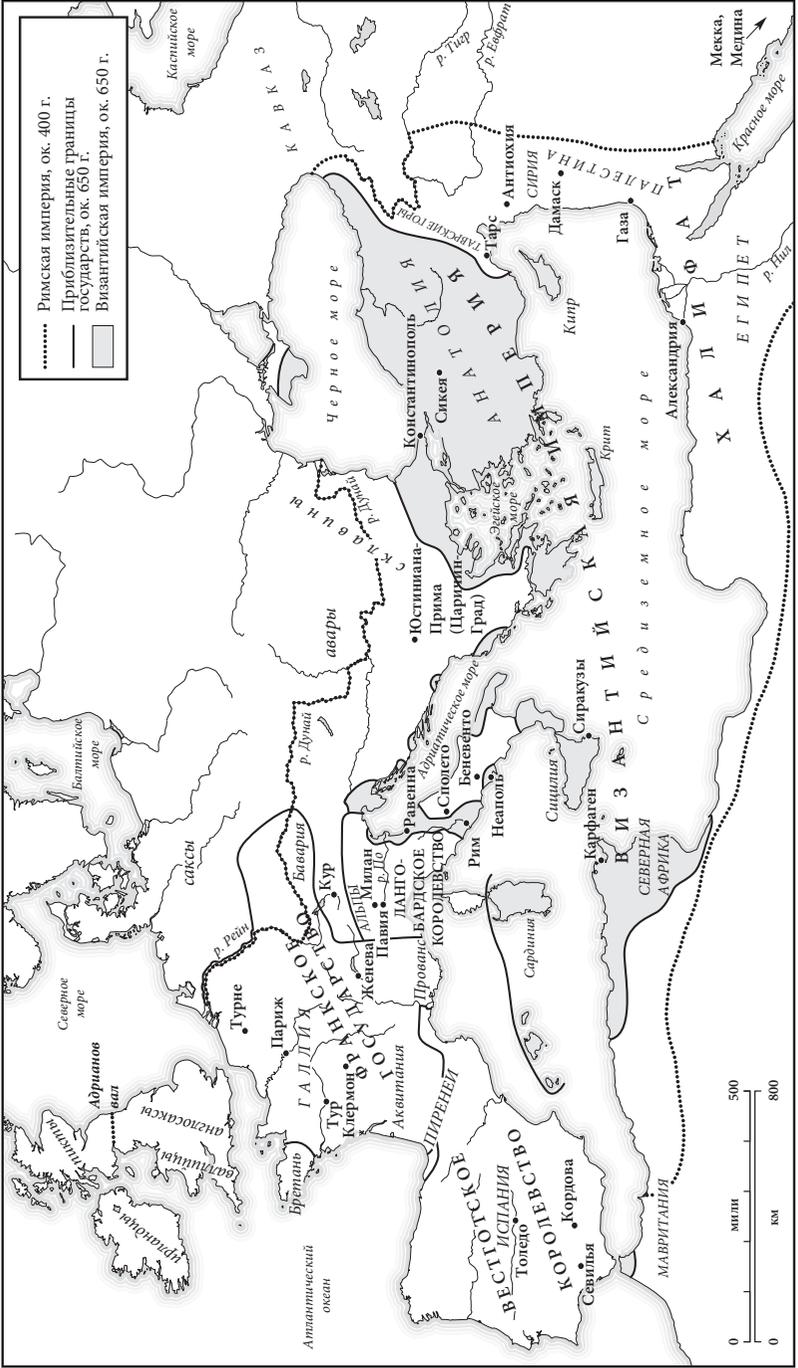
Иллюстрации

1. Диптих с изображением Манлия Боэция, 487 г., слоновая кость. Христианский музей, Брешиа, Италия/Bridgeman Images.
2. Баптистерий Иоанна Крестителя, VI в., Пуатье. © Nick Hanna/Alamy Stock Photo.
3. Пизанский собор, конец XI — начало XII в. M&M Photo.
4. Собор Св. Софии, Константинополь (Стамбул), 530-е гг. Фото Лесли Брубейкер.
5. Бирмингемский Коран, ок. 640–650-х гг., Бирмингемский университет.
6. Богатый зал, Мадина аз-Захра, Кордова, 950-е гг.
7. Сборник франкских законов, 850–870-е гг, библиотека герцога Августа, Вольфенбюттель. Cod. Guelf. 299 Gud. lat © Herzog August Bibliothek Wolfenbuttel (<http://diglib.hab.de/mss/299-gud-lat/start.htm>).
8. Дворцовая капелла, Ахенский собор, ок. 800 г.
9. Евангелие из Линдисфарна, Евангелие от Луки, начало VIII в. Британская библиотека (Cotton MS Nero D. IV, f. 139).
10. Ставкирка, Хеддал, Норвегия, XIII в.
11. Бронзовые врата, Гнезненский кафедральный собор, конец XII в., сцена гибели святого Адальберта. © Jan Wlodarczyk/Alamy Stock Photo.
12. «Плоды доброго правления в городе», фреска Амброджо Лоренцетти, Палаццо Публико, Сиена, 1138–1339 гг. Fondazione Musei Senesi.
13. Рокка-Сан-Сильвестро, Тоскана, XIII в. Ventodiluna.
14. Мозаика апсиды базилики Св. Климента, Рим, ок. 1118 г. © imageBROKER/Alamy Stock Photo.
15. «Сон Иннокентия III», фреска Джотто ди Бондоне, церковь Св. Франциска, Ассизи, 1290-е гг. Bridgeman Images.
16. Замок Гравенстен, Гент, конец XII в. © Alpineguide/Alamy Stock Photo.
17. Собор Парижской Богоматери, Париж. Peter Bull.
18. Отель Mercure Shakespeare, Стратфорд, XIII–XVI вв. © Mark Benton/England/Alamy Stock Photo.

19. Фреска «Воскресение Христово» в Кахрие-Джами (монастырь в Хоре), Константинополь (Стамбул), ок. 1320 г. QC.
20. Статуи Эхгарда Мейсенского и Уты Балленштедской, Наумбургский собор, середина XIII в. © VPC Travel Photo/Alamy Stock Photo.
21. Северные (Стамбульские) ворота, городская стена Никеи (Изник, Турция), построены во времена Древнего Рима, периодически перестраивались до начала XIII в. EBA.
22. Казначейский свиток, конец XII в., 1163–1164 гг. Национальный архив, Лондон.
23. Эгиль Скаллагримссон, изображение в исландской рукописи, возможно сделанное Хьялти Торстейнссоном, XVII в. Фото Йоханны Олафсдоттир, изображение предоставлено Институтом исландских исследований имени Арни Магнуссона.
24. Церковь Покрова на Нерли, Владимир, ок. 1160 г. © [www.123rf.com/Elena Shchipkova](http://www.123rf.com/Elena_Shchipkova).
25. Святая Анна обучает Деву Марию чтению, иллюстрация из французской рукописи, 1430-е гг. Музей Гетти, Лос-Анджелес. Цифровое изображение предоставлено Getty's Open Content Program.
26. Румельская крепость, Стамбул, 1452 г. © www.123rf.com/rogmar
27. Колокольня, Брюгге, 1480-е гг. © Jank1000| Dreamstime.com
28. Карлов мост, Прага, конец XIV в. Book Travel Prague.
29. Девичий дворик, Алькасар, Севилья, 1360-е гг. © funkyfood London — Paul Williams/Alamy Stock Photo.
30. Площадь Пия II, Пьенца, Тоскана, 1459–1462 гг. © Siephoto/Masterfile.
31. «Энеа Сильвио Пикколомини отправляется на Базельский собор», Пинтуриккьо, Сиенский собор, 1500-е гг. Библиотека Пикколомини, кафедральный собор в Сиене, Италия/F. Lensini, Siena/Bridgeman Images.

Карты

1. Европа в 550 г.
2. Западная Европа в 850 г.
3. Восточная Европа в 850 г.
4. Западная Европа в 1150 г.
5. Восточная Европа в 1150 г.
6. Западная Европа в 1500 г.
7. Восточная Европа в 1500 г.

Карта 1. Европа в 550 г.

Карта 3. Восточная Европа в 850 г.

Карта 4. Западная Европа в 1150 г.

Карта 5. Восточная Европа в 1150 г.

Карта 7. Восточная Европа в 1500 г.

Благодарности

В первую очередь хочу поблагодарить Хизер Маккаллум, которая подала мне идею этой книги и в конце концов убедила написать ее. Она же высказывала критические замечания по черновым вариантам и проверяла все данные в рукописи. Лесли Брубейкер прочитала весь текст и указала места, которые нуждались в правке. Такой же вклад внесли два сочувствующих читателя из Йеля. Многие мои друзья читали отдельные главы: Пат Гири и Майке де Йонг — с первой по шестую, Лесли Абрамс — пятую, Крис Дайер — седьмую, Джон Арнольд — восьмую, Роберт Суонсон — десятую, Линдал Ропер — десятую и двенадцатую, Джон Уоттс — одиннадцатую и двенадцатую. Без их помощи (и суровой критики) я бы не справился, особенно когда добрался до менее знакомых мне периодов Средневековья. Еще ряд людей помогли советами, справочными материалами и поиском литературы — это Питер Косс, Лорена Фьерро Диас, Марек Янковяк, Том Ламберт, Изабелла Ладзарини, Конрад Лейзер, Софи Марнетт, Гедре Мицкунайте, Морин Миллер, Наталия Новаковская, Гельмут Реймитц, Джон Сабапати, Марк Уиттоу, Эмили Уинклер (и это далеко не полный список). Не могу назвать здесь поименно всех, кто случайной репликой, не подозревая, что я делаю мысленную пометку, спасал текст от ошибки, но все выступавшие на семинаре по Средневековью «по понедельникам в пять», который мы с Марком Уиттоу ведем в Оксфорде уже 11 лет, так или иначе внесли свой вклад в эту книгу. Кроме того, я хотел бы сказать спасибо RAE2008 и REF2014* за интеллектуальный стимул: благодаря им я ознакомился с авторитетными материалами широкой тематики, которые иначе прошли бы мимо меня. Многие из этих книг и статей включены в библиографию.

* Программа оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях. — *Прим. пер.*

Глава 1

Новый взгляд на Средние века

Эта книга посвящена переменам. Так называемое Средневековье длилось 1000 лет — с 500 по 1500 год, — и Европа конца этого периода сильно отличалась от той, что была в начале. Раннее Средневековье было проникнуто влиянием Римской империи, которая объединяла половину Европейского континента, но резко отсекала ее от другой половины. По прошествии 1000 лет Европа в целом уже обрела те контуры, которые сохраняются и поныне: в том или ином виде в ней сформировалось большинство нынешних независимых государств. Задача этой книги — проследить ход перемен и показать их значимость. Однако сосредоточимся мы не на результатах. Многих авторов трудов о Средневековье заботит в первую очередь происхождение нынешних государств и другие аспекты «современности» в их понимании, поэтому для них смысл средневекового периода заключен именно в результатах и итогах. Мне это кажется в корне ошибочным. История лишена целесообразности, историческое развитие не стремится к чему-то, а отталкивается от чего-то. Более того, с моей точки зрения, бурный период Средневековья представляет самостоятельный интерес и его не обязательно рассматривать через призму последующих событий. Надеюсь, моя книга послужит убедительным тому доказательством.

Это отнюдь не значит, что средневековая история Европы представляет собой водоворот событий, не имеющих никакой логической связи, кроме принадлежности к произвольно выбранному тысячелетнему временному отрезку. Вовсе нет. Средние века размечены четко обозначенными переломными моментами, из которых и складывается этот исторический период. Падение Западной Римской империи в V веке, кризис Восточной Римской империи, столкнувшейся с подъемом ислама в VII веке, экспериментальный проект Каролингов по созданию высокодуховного государства на рубеже VIII–IX веков, распространение христианства в Северной и Восточной Европе в X веке (преимущественно), радикальная децентрализация политической власти на Западе в XI веке,

демографический и экономический рост с X по XIII век, восстановление политической и религиозной власти на Западе в XII–XIII веках, закат Византии в тот же период, Черная смерть и развитие государственных органов в XIV веке, вовлечение более широких слоев населения в публичную сферу на рубеже XIV–XV веков — вот перечень основных, на мой взгляд, переломных моментов, каждому из которых будет посвящена отдельная глава книги. Эти вехи связывала между собой череда структурных изменений: среди прочего, упадок и последующее возрождение понятий общественной власти, переход от налогообложения в качестве основного источника государственных ресурсов к землевладению и обратно, влияние письменности и грамоты на политическую культуру, развитие во второй половине Средневековья законодательно закрепленных и четко очерченных моделей местного управления и самоопределения, под влиянием которых изменились взаимоотношения правителей и подданных. Эти изменения мы также будем разбирать. Однако углубляться в микроисторию социумов и культур и подробно рассказывать об исторических событиях, происходивших в отдельных странах, нам попросту не позволит объем книги. Перед вами аналитическая работа о Средних веках, а не учебник истории — их сейчас предостаточно, в том числе совершенно великолепных, поэтому пополнять их собрание нет нужды¹. Разумеется, в каждой главе, чтобы не быть голословным, я освещу в той или иной степени политические события обозначенного периода, особенно для читателей, которые обращаются к Средним векам впервые. Однако основное внимание будет сосредоточено на переломных моментах и всеобъемлющих структурных особенностях, показывающих, чем, на мой взгляд, прежде всего характеризуется и чем интересен средневековый период. Именно они станут предметом анализа.

Отмечу также, что мой перечень переломных моментов не совпадает с исторической канвой, которую открыто или исподволь намечают многочисленные хроники европейского Средневековья. С распространённой по сей день точки зрения, Европа, которую спасают от морального разложения «Григорианские реформы» XI века, от невежества — «Возрождение XII века», от бедности — фламандское ткачество и венецианское мореходство, от политического упадка — формирование государств Генрихом II и Эдуардом I в Англии, Филиппом II и Людовиком IX во Франции, Альфонсо VI и Фердинандом III в Кастилии, достигает расцвета в «зрелом Средневековье» XII–XIII веков с его крестовыми походами, рыцарским кодексом, готическими соборами, Папской областью, Парижским университетом и Шампанскими ярмарками, а после 1350 года приходит в упадок (чума, войны, церковные расколы

и культурная неопределенность), преодолеть который помогает философия гуманизма и радикальная реформа Церкви. Такой интерпретации вы здесь не найдете. Она представляет в неверном свете позднее Средневековье и полностью оставляет за скобками начало Средних веков и Византию. Кроме того, она слишком проникнута уже раскритикованным мной стремлением увязать Средневековье, по крайней мере начиная с 1050 года, с современностью. Это отголосок не изжившего себя, вопреки уверениям историков, желания искать в истории мораль, славные времена, героев и злодеев.

Такое морализаторство для многих оправдано самим понятием «средневековый». У этого термина любопытная история. Изначально он имел пренебрежительный оттенок, который отчасти сохраняется и в наши дни. Со времен Римской республики люди противопоставляли себя, современных — *moderni* на латыни — древним, *antiqui*, «античным». Однако в XIV–XV веках ученые, которых мы называем гуманистами, начали применять термин «античный» к римским и предшествующим классикам, преемниками которых они себя считали, а предположительно уступавших им в мастерстве писателей промежуточного тысячелетия относили к периоду, который к XVII веку все чаще стали называть «Средними веками», *medium aevum*. В XIX веке термин, прижившись, распространился и на другие области — «средневековое» правительство, экономику, Церковь и так далее в противовес так же выпестованной в XIX веке идее Возрождения, с которого, как следовало полагать, и началась «современная» история². Такое Средневековье — всего лишь условность, подтасовка, совершенная горсткой ученых. Однако представление это крепло по мере того, как нарастали все новые и новые слои «современности».

С 1880-х годов, когда подача исторического материала стала более профессиональной и постепенно возникла специализация на отдельных периодах, начали появляться и положительные взгляды на средневековое прошлое. Иногда они были проявлением защитной реакции — например, попытки изучающих то или иное столетие Средневековья провозгласить собственный «ренессанс» («ренессанс XII века», «карлингский ренессанс» и пр.), обеляющий «их» период в глазах презрительно фыркающих специалистов по Новому времени. Иногда обретали фанатичный оттенок — когда католические историки превозносили религиозную чистоту Средневековья, а историки-националисты норовили именно в этом периоде найти истоки безоговорочного превосходства собственной страны. В Средних веках, далеких и местами очень плохо документированных, удобно выискивать подтверждение

любым домыслам XX века, и в результате подобные взгляды предстают такими же далекими от реальности, как и заявления некоторых гуманистов. Однако параллельно уже больше столетия ведется упорная эмпирическая работа, благодаря которой тысячелетие Средневековья проступает более четко и ясно во всей своей сложности и очаровании. Специалисты по Средневековью зачастую сами не знают, сколь многим обязаны рвению историографов-националистов. Английские историки до сих пор склонны во главу угла ставить развитие английского государства — первого в Европе, а значит, подтверждающего исключительность англичан; немцев волнует Sonderweg — «особый путь», помешавший формированию такого государства у них, тогда как итальянские историки в распадае итальянского королевства ничего страшного не видят, ведь именно он подарил итальянским городам независимость и обусловил развитие культуры, с которой и началось Возрождение — самое что ни на есть итальянское³. Однако сегодняшняя глубина и многосторонность исследований Средневековья позволяют выдвинуть альтернативу этим взглядам и с легкостью обходить их.

Одной проблемой меньше — но возникает другая. Если мы отказываемся от образа Средних веков как долгого мрачного безвременья, полного беспричинного насилия, невежества и суеверий, как отличать этот период от предшествующего и последующего? Начало его обозначить в какой-то степени проще, поскольку традиционно оно увязывается с политическим кризисом, вызванным падением Западной Римской империи в V веке — поэтому за приблизительный рубеж Античности и Средневековья берется 500 год. Независимо от того, считаем ли мы Римскую империю в каком бы то ни было смысле «лучше» западных преемников, те бесспорно отличались большей раздробленностью, структурной слабостью и простотой экономики. Поиски рубежа осложняются тем, что Восточная Римская империя, которую мы сейчас называем Византией, существовала еще долго, поэтому для юго-востока Европы 500 год за отправную точку брать бессмысленно. В самом деле, даже на Западе этот перелом коснулся лишь ряда нынешних европейских стран, самыми крупными из которых были Франция, Испания, Италия и юг Британии, поскольку в Римскую империю никогда не входили Ирландия, Скандинавия, большая часть Германии и основная масса славянских государств. Осложняет задачу установления границы и то, что за последние четверть века историкам удалось выявить значительную степень преемственности между периодами до и после 500 года, особенно в культурной области — в религиозных представлениях, в концепции общественной власти, — благодаря чему «позднейшая Античность»

присутствовала местами до 800 года и даже до XI века. Это соотношение перемен и преемственности затушевывает перелом, наступивший после падения империи. Однако 500 год (плюс-минус полвека) по-прежнему остается удобной отправной точкой и, по крайней мере для меня, маркером коренных перемен на столь многих уровнях, что закрыть на них глаза невозможно.

С 1500 годом (плюс-минус полвека, по такому же принципу) дела обстоят сложнее: перемен было меньше или, по крайней мере, предполагаемые маркеры начала «современного», Нового времени не обладали достаточной значимостью. Окончательное покорение Византии османами в 1453 году мир не потрясло, поскольку к тому времени когда-то огромная империя уже распалась на отдельные провинции на территории нынешней Греции и Турции, и к тому же османы довольно успешно сохраняли политическое устройство Византии. «Открытие» Америки Колумбом — точнее, покорение ее крупнейших государств испанскими завоевателями в 1520–1530-х — несомненно оказалось катастрофой для американского коренного населения, однако Европа (за исключением Испании) последствия этого завоевания ощутит еще очень не скоро. В гуманистической философии, ставшей интеллектуальной почвой Возрождения, все сильнее проступают средневековые черты. Остается протестантская Реформация, тоже пришедшая в основном на 1520–1530-е (и последующая католическая контрреформация), как религиозно-культурный перелом, расколовший Западную и Центральную Европу и создавший два зачастую противоборствующих блока — существующих по сей день — с постепенно расходящимся культурно-политическим укладом. Это был бесспорно серьезный и относительно неожиданный раскол, пусть и слабо отразившийся на православном христианстве Восточной Европы. Однако, если подводить черту под европейским Средневековьем именно Реформацией, выходит, что мы начинаем Средние века экономико-политическим кризисом на фоне культурно-религиозной преемственности, а заканчиваем культурно-религиозным кризисом на фоне относительной стабильности политики и экономики. Во всем определении Средних веков имеется некая искусственность, от которой нам никуда не деться.

Тем не менее, признав это, мы получаем возможность заново подступиться к вопросу рассмотрения Средних веков как единого целого. Разумеется, можно подыскать конечный рубеж и получше, чем 1500 год, — например, 1700-й с его научными и финансовыми переворотами или 1800-й с его политическими и промышленными революциями. Эти даты предлагались уже не раз. Но такой подход означает, что какую-то

из перемен придется признать первостепенной и отодвинуть остальные на задний план. Это значит придумывать новые границы, а не сопоставлять. Прелесть сохранения традиционной периодизации именно в искусственности веков в виде 500 и 1500 годов, поэтому на ограничиваемом ими историческом отрезке можно отслеживать на разных территориях параллельные изменения, не обязанные служить предпосылками некоего крупного исторического события — Реформации, революции, индустриализации или любого другого признака «современности». И еще необходимо добавить, что эта периодизация полезна и для более широких сравнений, хотя я такого рода задачи перед собой не ставил. Наши с вами современники, занимающиеся историей Африки, Индии, Китая, часто недовольны ярлыком «средневековый», который тянет за собой европейские ассоциации и, что гораздо серьезнее, подразумевает неременное превосходство Европы, что у большинства нынешних историков вызывает отторжение. Но если признать искусственность границ, средневековый европейский опыт можно применять для сравнения, сопоставлять с другими вариантами развития в более нейтральном ключе, а значит, с большей пользой⁴.

На самом деле «Европа» — понятие тоже довольно условное. Это просто полуостров Евразийского материка, как и Юго-Восточная Азия⁵. С северо-востока его отделяют от великих азиатских государств российские леса и необжитые сибирские пространства, однако проходящий южнее коридор степей, который от Украины тянулся на запад до самого сердца Европы, Венгрии, во все времена приводил из Азии неутомимые орды кочевников — сперва гуннов, затем булгар и монголов. Крайне важно также, что Южная Европа в любую эпоху неотделима от Средиземноморья и немыслима без экономических связей (даже при отсутствии политических и культурных уз) с соседними областями — Западной Азией и Северной Африкой. При Римской империи объединенное водным пространством Средиземноморье представляло собой гораздо более значимый предмет изучения, чем «Европа», поделенная между Римом на юге и скопищем «варварских» племен (как их называли римляне) на севере. И разделение это сохранялось долго: христианская религия и постримские принципы управления начали распространяться на север от прежней римской границы не раньше 950 года. К тому времени Средиземноморье уже возрождалось как центр торговли и до конца Средних веков не уступало по важности северным каналам торгового обмена⁶. А Европа ни до, ни после не была цельной политической единицей.

Разумеется, Европа как понятие существовала и в Средние века. В IX веке государями «Европы» иногда называли своих монархов

приближенные ко двору Каролингов, правивших на территории нынешней Франции, Германии, Нидерландов и Италии, а затем придворные в оттоновской Германии X века: своих сюзеренов они прочили на роль верховных владык аморфных, но обширных земель, которые удобно было называть «Европой». В этом риторическом значении понятие существовало все Средние века наряду с базовыми географическими представлениями, пришедшими из Античности, однако на нем редко (это не значит, что никогда) строились заявления о национальной принадлежности⁷. Да, в середине Средних веков христианство постепенно распространилось по всей территории нынешней Европы (последними в конце XIV века крестились правители Литвы, намного превосходившей размерами сегодняшнюю). Однако к формированию общеевропейской религиозной культуры это не привело, поскольку распространение на север латинского и греческого обрядов христианства представляло собой два разных процесса. Более того, из-за непостоянства границы между христианскими и мусульманскими владениями — христианские правители в Испании XIII века отодвигали ее на юг, а мусульманские (османы) в XIV–XV веках — на север, в Балканы, — понятие «христианской Европы» (не учитывавшее многочисленных европейских евреев) никогда не совпадало с действительностью и не совпадает по сей день. В самом общем смысле, как мы еще увидим, во второй половине интересующего нас периода Европа все-таки достигла определенного единства развития в рамках разнообразия институтов и политических укладов, выраженного в системе епархий или в опоре на письменную документацию в государственном управлении и пронизывающего ее от Руси до Португалии. Тем не менее этого недостаточно, чтобы считать данный континент единым целым. Слишком отличались друг от друга его страны. Все заявления об основополагающем европейском, и только европейском единстве беспочвенны даже сегодня, а применительно к Средним векам это не более чем вымысел. Так что средневековая Европа — это просто обширное неоднородное пространство, рассматриваемое на протяженном временном отрезке, а кроме того, достаточно хорошо документированное, чтобы можно было вести разносторонние исследования. Ничего романтического в этом образе нет и не предполагалось. Однако увлекательного материала на этом пространственно-временном интервале хватает, и моя задача — его структурировать.

И последнее, о чем необходимо предупредить. Есть два распространенных подхода к Средневековью: представлять людей того времени «такими же, как мы», просто живущими в технологически менее развитом мире (мечи, лошади, пергамент и никакого центрального

отопления), — или показывать их бесконечно далекими от нас, носителями совершенно непостижимых ценностей и мировоззрения, часто неприемлемых для нас и требующих значительной перестройки сознания, чтобы посмотреть на происходившее с точки зрения средневековой логики и мотивов. Оба подхода в той или иной степени верны, но если ограничиться лишь одним из них, он превращается в ловушку. Первый чреват скатыванием в банальность или морализаторство, проистекающее из досады на средневековых персонажей, которые почему-то упорно не понимают того, что нам кажется очевидным. Второй также опасен морализаторством, но гораздо больше — увлеченностью на грани умиления, когда историк-антрополог закапывается в восхитительно непривычном и непохожем, иногда на уровне очень мелких деталей. Я бы попытался совместить эти два подхода и под более широким историческим углом взглянуть на то, как представители Средневековья принимали решения в реально существовавших политико-экономических условиях, исходя из реально исповедовавшихся принципов, «сами делая свою историю, но делая ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁸. Маркс, которого я только что процитировал, не предполагал вживания в анализируемый исторический период, и я этого также не предполагаю, однако понимать мотивы различных деятелей в очень непохожем на наш, но все же не совсем неузнаваемом мире этот анализ и в самом деле требует. Как и история в целом. Как ни важно осознавать, что 980-е действительно отличались от нынешней эпохи и что для постижения тогдашних моральных принципов и политической логики необходимы определенные умственные усилия, то же самое не лишне бывает учитывать и применительно к 1980-м.

Оставшуюся часть вводной главы я хотел бы посвятить основным характеристикам организации и функционирования средневекового общества, проливающим свет на разные модели поведения и политические векторы, которые предстанут перед нами в этой книге. Сперва я обрисую особенности политики, преимущественно середины средневекового периода, а затем коснусь экономики и основных особенностей средневековой культуры. Это не значит, что в Средневековье все мыслили и действовали одинаково; различия, как и всегда, были огромны, однако присутствовали и достаточно широко распространенные общие черты, отчасти обусловленные, как мы еще убедимся, базисными социально-экономическими моделями, характерными для всего периода.

Передвигаться по средневековой Европе было непросто. Сеть унаследованных от Римской империи дорог заканчивалась на римской границе, проходившей по Рейну и Дунаю, а в оставшейся части Германии, не говоря уже об областях, расположенных севернее и восточнее, их долгое время почти не существовало, и путешественники старались по возможности выбирать для перемещения водный путь и речные долины. Поскольку карт также не было, прокладывая новые пути рисковали только опытные и бывалые. Учитывая, что высокими горами — кроме Альп — Европа похвастаться не может, основную преграду представляли леса, покрывавшие большую часть континента, за исключением Британии и некоторых средиземноморских областей — около 50% нынешней Германии, около 30% нынешней Франции и еще более значительную часть Восточной Европы. Храбрые портняжки из сказок братьев Гримм, теряющиеся в дремучем лесу, — совсем не вымысел. В 1073 году германский император Генрих IV, стремительно отступая под напором великого саксонского восстания, вынужден был укрыться в лесу, поскольку дороги караулили саксонцы, и три дня скитался, голодая, прежде чем ему удалось вновь выйти в обжитые места. При этом даже по дорогам добраться куда-либо быстро не представлялось возможным. Когда тот же Генрих IV, уже одержав победу над саксонцами, в 1075–1076 годах вступил в политическое противоборство с папой Григорием VII, вскоре переросшее в обмен угрозами низложения, послания из южной Саксонии, а затем Утрехта (сейчас Нидерланды), где находился Генрих, шли до Рима почти месяц — и это с гонцами, самым быстрым способом связи до появления в XIX веке железных дорог⁹. Ландшафт таил в себе опасности, горы слыли не воплощением красоты и романтики, а, скорее, прибежищем демонов и (в Скандинавии) троллей.

Однако не стоит думать, что повсюду царил дикость. Она присутствовала в качестве фона и порой даже прорывалась на передний план, но ничуть не мешала некоторым европейским государствам достигать достаточно крупных размеров, причем стабильно. Каролингская империя, как мы уже знаем, занимала половину Западной Европы, и почти так же далеко простиралась на землях нынешней России и Украины в XI веке власть Киевских князей, притом что к северу от степей почти все пространство покрывали леса. Люди путешествовали. Правители нередко все свое царствование проводили в походах — английский король Иоанн Безземельный (1199–1216)* проезжал в среднем

* Все даты в скобках после имен правителей обозначают годы правления. — *Прим. авт.*

20 километров в день, редко задерживаясь на одном месте дольше чем на несколько ночей¹⁰. Крупным армиям доводилось преодолевать расстояния в тысячу и больше километров, как, например, во время кампаний германских императоров в Италии в X–XIII веках или пеших походов и морских плаваний крестоносцев, отправлявшихся завоевывать Палестину или Египет. Независимо от прочих результатов, с точки зрения логистики это был несомненный успех. Перемещалось и мирное население, пусть медленнее, — в частности, в ходе миграции германцев на обширные земли Восточной Европы после 1150 года. Итак: разумеется, нужно учитывать, что европейское пространство в целом было очень локализованным. Большинство средневековых европейцев действительно представляли себе окрестности лишь в пределах пары селений — обычно до ближайшего рынка. Где-нибудь на окраине королевства граф — то есть представитель короля в данной местности — мог зачастую какое-то время творить что заблагорассудится, поскольку король не имел возможности остановить его, а иногда и вовсе не подозревал о происходящем. Затрудненность сообщения сильно осложняла дело. Однако в конце концов правитель, если он чего-то стоил, появлялся с войском (или присылал других графов приструнить зарвавшегося), и графы об этом помнили — что пресекало по крайней мере открытое вероломство. Были и другие механизмы управления, позволявшие распространить власть правителей довольно далеко и довольно надежно. Их мы рассмотрим в последующих главах. А в этой затронем некоторые основные правила осуществления политической власти, действовавшие почти на всем протяжении интересующего нас периода. Проиллюстрирую их на конкретном примере, а потом разберем его значение.

Летом 1159 года король Англии Генрих II (1154–1189) заявил права на южнофранцузское графство Тулузское. Генриху уже принадлежала почти половина Франции, герцогства и графства от Нормандии на севере до Пиренеев на юге, доставшиеся ему от родителей и в приданое от супруги Алиеноры, наследницы большого южного герцогства Аквитания. Наследственные притязания Алиеноры распространялись и на Тулузу, но сперва Генриху нужно было преодолеть сопротивление графа Тулузского. Всеми своими французскими землями Генрих владел, в 1158 году присягнув на верность французскому королю Людовику VII (1137–1180) и взяв на себя обязательство защищать его жизнь, однако Людовик, чья непосредственная власть ограничивалась Парижским регионом, не мог тягаться с Генрихом в военной мощи. Летом Генрих вторгся в Тулузу с огромным войском, вероятно самым многочисленным из когда-либо им собранных: в походе приняли участие

большинство подчинявшихся ему крупных английских и французских баронов и даже король Шотландии Малкольм IV, принесший ему вассальную присягу. Людовик не мог допустить дальнейшего расширения власти Генриха, а кроме того, граф Тулузы Раймунд V был его зятем, поэтому его требовалось поддержать, но как? Людовик прискакал в Тулузу с довольно немногочисленным сопровождением (и потому быстро), и, пока Генрих двигался туда с войском, король Франции закрепился в городе и начал организовывать оборону. Вполне возможно, Генрих взял бы город, несмотря на его укрепления, но теперь за стенами Тулузы находился его сюзерен. В одном источнике той эпохи говорится, что «он не пожелал осаждать Тулузу из почтения к королю Людовику Французскому, оборонявшему город от короля Генриха», а в другом (автор которого не был согласен с действиями Генриха), что он принял совет не нападать «из пустого предубеждения и преклонения». Иными словами, Генрих оказался в тупике. Если он нападет на сюзерена, которого поклялся защищать, чего будут стоить клятвы его собственных баронов в верности ему самому? И что он будет делать с плененным королем, оставаясь его вассалом? Поэтому он не стал нападать и, основательно разорив за лето окрестности, попросту отступил. Генрих, один из двух самых могущественных монархов Западной Европы, не рискнул прослыть клятвопреступником и предпочел пожертвовать (и это была крупная жертва) репутацией полководца¹¹.

Решающую роль в этой ситуации сыграли личные взаимоотношения Генриха и Людовика. Они строились на церемониальных обязательствах — клятвах, вассальной присяге (официальном признании личной зависимости) — и очень тесно были связаны с понятием чести, а также принципами феодальной иерархии. В соответствии с этими принципами Генрих правил как вассал от имени короля Франции десятком французских графств и герцогств со всеми угодьями — тогда как в Англии, своем богатейшем и самом сплоченном владении, он был полновластным правителем и сюзереном. Перед нами пример так называемого военного феодализма: крупная знать и рыцари несли военную службу и хранили политическую верность сеньору в обмен на пожалования в виде земель или должностей от короля или сеньоров рангом ниже королевского и за нарушение клятвы могли этих пожалований лишиться. Находящихся в таком подчинении называли вассалами, а получаемые в условное пользование владения — феодами или ленами; отсюда термины «феодальный» и «вассально-ленный» в современной исторической науке. Французские земли Генриха в источниках того периода часто называются *feoda*, бароны Генриха тоже явились в Тулузу главным образом

как его вассалы, держатели пожалованных Генрихом земель. Между тем термин «феодализм» в последнее время вызывает много вопросов. Как отмечает Сьюзен Рейнольдс, военные и политические обязательства, равно как и понятия вроде «лен», редко отличались четкостью и однозначностью, особенно во Франции XII века. Многие критики подчеркивают, что слово «феодализм», не употреблявшееся непосредственно в Средние века, в устах современных авторов может принимать самые разные значения, становясь в результате бессмысленным и потому бесполезным. Мне же кажется, что смысл в нем по-прежнему есть — при наличии точного определения¹². Если в данной книге я к этому термину прибегаю редко, то лишь потому, что стараюсь здесь максимально избегать специализированной лексики, а не потому, что он в чем-то заведомо проблематичнее других используемых историками терминов. Как бы то ни было, действия Генриха под Тулузой были продиктованы тем, что Людовик выступал сеньором Генриха в его французских владениях, а Генрих обладал таким же статусом по отношению к собственным баронам. Вассалитет, независимо от того, именовать ли его феодальным, бесспорно повлиял на исход этого противостояния.

В значительной мере такое положение дел было обусловлено тем, что высшее сословие несло военную службу не за плату. Услугами наемников в XII веке пользовались, наемной была основная масса пехоты (в том числе в войске Генриха в 1159 году), однако конники и военачальники, даже если и получали частичную оплату, имели, прежде всего, личные обязательства либо перед королем, либо перед сеньором, а то и перед тем и другим одновременно¹³. В Римской империи армия, намного превосходившая размерами средневековые и к тому же регулярная, была полностью наемной. Для ее содержания приходилось взимать высокие налоги с земледельцев, поскольку основным источником государственных доходов была земля. Тем самым обеспечивалось единство государства, и в основном именно упразднение прежней налогово-бюджетной системы (см. главу 2) привело к тому, что раннесредневековые преемники Римской империи не могли тягаться с ней в могуществе. Аналогичным образом функционировали Византийская и Османская империи, сохраняя преемственность в Юго-Восточной Европе на всем протяжении Средних веков, как будет показано в главах 3 и 9. В конце Средневековья общее налогообложение вернется и в Западную Европу, хотя и уступая римскому масштабам и эффективностью. С одной стороны, оно реструктурирует ресурсы правителей, а с другой — создаст новые сложности: в частности, вынудит монархов заручаться согласием представителей знати и горожан, которым предстояло нести бремя

финансирования армии (точнее, перекладывать его на своих крестьян). Из глав 11 и 12 станет ясно, как это сказалось на политической динамике позднесредневекового Запада. Однако в XII веке во Франции и почти на всем протяжении Средних веков в большей части Европы земельный налог взимался разве что в виде мелких податей. В результате армии формировались за счет военных обязательств землевладельцев или за счет раздачи земель, на которых могли селиться военные, а при использовании наемников — за счет выплаты им жалованья из доходов от земельных ресурсов королей или графов, а также из отступных, которыми откупались землевладельцы, не желавшие служить. В этих условиях воинская служба (а значит, и комплектование армии) в значительной степени зависела от личных взаимоотношений, связанных с владением земель.

Эту политику землевладения подробно — с непревзойденной взвешенностью — анализировал великий французский историк Марк Блок в 1940 году. (Он называл это базирующееся на землевладении общество феодальным, не сводя определение термина к феодам и вассалам.) Блок доказывал, что феодальное общество подразумевает «раздробленность власти»: оно способствует децентрализации политического устройства, потому что (это упрощенное изложение мысли Блока) при изначальной ограниченности владений чем больше вы раздаете, тем меньше остается вам, и в будущем одеваемая землями знать может утратить готовность повиноваться, если вам станет нечего жаловать¹⁴. Как мы увидим ниже, дело обстояло не совсем так, особенно в раннем Средневековье. Например, Каролингам отсутствие налогообложения не мешало править весьма обширной по любым более поздним меркам территорией. Тем не менее нельзя отрицать, что государства, полагающиеся на налогообложение, всегда намного устойчивее тех, что вознаграждают за военную службу или политическую лояльность земельными наделами. Наемные военные и чиновники надежнее жалуемых земель — провинившимся и некомпетентным можно просто перестать платить. Правитель, средства которого проистекают исключительно от землевладения, вынужден, если ему (гораздо реже — ей) хочется добиться политического успеха, действовать с оглядкой, особенно в отношениях со знатными военачальниками, у которых сложно будет отобрать угоды. Этим отличалось большинство средневековых политических укладов.

Может показаться, что мы уклонились от обсуждения политической деятельности и неоправданно перескочили на военную службу. Однако в интересующий нас период граница между ними была стерта. На протяжении всего Средневековья управление государством покоилось на двух «китах» — организации закона и порядка и военном деле. Политическая

верность была неотделима от готовности сражаться, и поэтому земельная аристократия в Средние века почти всегда имела военную выучку и принадлежала к военному сословию, в чем мы еще не раз убедимся. Хотя военные победы и справедливость правителей (в том числе способность заставить противника признать поражение, охватывающая оба аспекта) часто воспевались как источник экономического благополучия государства — при этом стихийное бедствие могли счесть карой за несправедливость государя, — ответственности за экономическое развитие от них никто не ждал. Забота о бедняках возлагалась на местную общину и церковную благотворительность, за образование платили в частном порядке, за лечение тоже. Ограниченность государственной сферы в Западной Европе и ее прочная привязка к личным взаимоотношениям дала некоторым влиятельным историкам повод заявить о бессмысленности применения термина «государство» к средневековым политическим образованиям⁵. Как будет видно из последующих глав, я это мнение не разделяю и буду доказывать, что и полномочия королей раннего Средневековья, и усложняющиеся системы управления начиная с XIII века вполне можно характеризовать как государственную власть. Соответственно, термин «государство» будет применяться в данной книге к большинству европейских политических систем, за исключением самых примитивных, существовавших в северной части континента. Однако, независимо от характеристик, сфера полномочий этой власти в самом деле была ограниченной.

Вернемся к Генриху II и Людовику VII: в 1159 году феодальное землевладение находилось в расцвете. Генрих даже намеревался упразднить в Англии остатки земельного налога, который английские короли, единственные в католической Европе, собирали уже больше века⁶. Может быть, он хотел устранить тем самым повод к возникновению оппозиции, а может, очевидным образом сознавал, что в заведомо конечной игре с пожалованием земель у него уже достаточно ресурсов, чтобы рассчитывать на преданность и благодарность костяка своей знати, как французской, так и английской. На Пасху и в Рождество, а также в другие праздники эта знать созывалась ко двору короля и принимала участие в церемониях. Церемониальная культура, формировавшаяся вокруг Генриха II и других правителей, имела собственный этикет и правила игры и также способствовала укреплению верноподданничества⁷. И в целом относительно устойчивости своего положения Генрих был прав. Но даже он не рискнул рубить сук, на котором сидел — то есть принцип вассальной верности, — и нарушить свою клятву, принесенную Людовику. Как мы видим, вассально-ленные отношения не обязательно влекли

за собой циничные маневры землевладельцев, только и ждущих возможности обособиться от теряющего власть правителя. Обязательства, связанные с принятием земли в дар, а также понятие чести, неотделимое от понятия верности, также имели значение. Запятнавшему себя бесчестьем трудно было смыть позор, поэтому действовать следовало с осторожностью, и в политике Средних веков очень многое зависело от того, чтобы не приблизиться к той грани, за которой ты опорочишь себя окончательно и бесповоротно, — к этому моменту я очень скоро вернусь. Более того, в XII веке права дворян и обязательства, накладываемые клятвой верности, формулировались четче, о чем прекрасно знали и не упускали возможность воспользоваться этим в других ситуациях и Людовик, и Генрих. Может быть, некоторые дворяне того времени и решались рисковать клятвами и честью, но Генрих был слишком опытным игроком, чтобы пойти на это. Как бы то ни было, отношения власти, в рамках которых разыгрывались эти вассальные игры, целиком и полностью складывались вокруг земельного держания. Разобравшись в этой системе, мы значительно продвинемся в понимании средневековой европейской политики, поскольку не охваченными ею оставались только более сильные государственные системы Византии, Османской империи и Аль-Андалуса — мусульманской Испании.

Теперь обратимся к экономике. Основную идею, которая красной нитью пройдет через всю книгу, можно изложить в двух словах. Как мы уже видели, для средневековых политических образований главным фактором единства и процветания выступало владение землей. Причина проста: любое доиндустриальное общество зависит в первую очередь от сельскохозяйственного производства. Ничего даже отдаленно похожего на фабрики не существовало ни в Средние века, ни долгое время после. Ремесленники, иногда вполне многочисленные, трудились и в городах Египта X века, и в северной Италии и Фландрии XIII столетия, кустарным способом производя ткани или металлические изделия в количестве, достаточном для продажи на ярмарках по всей Европе, однако доступные им технологии все равно уступали производственным возможностям будущего. Но самое главное — ремесленники составляли очень ограниченную долю населения: после 1200 года в европейских городах, часто крошечных, проживало не более одной пятой всего населения Европы, а до того — еще меньше. (Точные цифры лежат в области предположений, поскольку данных у нас нет, однако на пропорцию ориентироваться можно. Подробнее мы обсудим это в главе 7.) Кроме того, примерно с 950 года велась добыча железа и серебра для чеканки

европейских монет, однако в этой отрасли занятость была еще ниже. Большинство населения — свыше четырех пятых в раннем Средневековье и немногим меньше в более поздние времена — составляло крестьянство: эти люди трудились непосредственно на земле в условиях натурального хозяйства, на более или менее фиксированных наделах и в постоянных поселениях (обычно деревнях, иногда на обособленных крестьянских хуторах). На сельскохозяйственную продукцию приходилась основная доля производимого человеческим трудом в Средние века, и поэтому контроль над ней и, соответственно, над землей, ее рождавшей, имел принципиальное значение.

Но кто же распоряжался землей и сельскохозяйственным производством? В некоторых случаях — сами крестьяне, в частности там, где практиковалось крестьянское землевладение, прежде всего в Северной и Восточной Европе, особенно в первой половине средневекового тысячелетия, хотя крестьяне-собственники существовали и на юге, в Испании, Италии и Византии. При этом на территориях, где применялось налогообложение, — как у византийцев и арабов, а в позднем Средневековье и во многих западных королевствах и городах-государствах, — а также там, где власти собирали подати натурой с независимого крестьянства, как первые князья на большей части Восточной Европы, земельные ресурсы отчасти контролировались правителями, даже если те не являлись ее непосредственными владельцами. Однако основная территория Европы всегда принадлежала не представителям крестьянского сословия, а землевладельцам, доходы которых — и неплохие — складывались из ренты, взимаемой с крестьян-арендаторов. (До 1200 года наемный труд на земле был крайней редкостью.) Землевладельцами были представители военного дворянства, о чьей верности (или неверности) государю мы говорили выше, и крупные церкви (на церковные земли могло приходиться до трети общей площади королевства), и именно они составляли аристократическую верхушку Европы. Также землевладельцами были и сами короли, поэтому, если они не прибегали к налогообложению, доходы поступали к ним главным образом от земель, находившихся в их непосредственном владении. Соответственно, богатство феодалов — короля, духовной и светской знати — обеспечивалось тем, что можно было взять с крестьянства — силой или под угрозой ее применения.

Это, разумеется, не означало, что каждый бушель зерна выбивали силой. У феодалов просто не хватило бы дружины, учитывая, что крестьяне составляли большинство населения. На деле крестьяне, как правило, соглашались на арендную плату, а господа зачастую исходили

из того, что со временем уговор перерастет в обычай и его уже не изменишь. Однако выплату ренты гарантировало наличие у господина возможности силового воздействия — дружины, которой он командовал. Сбор ренты проходил под надзором вооруженного отряда (как и сбор налогов, вызывавший еще большее неприятие у населения). Протесты крестьян, сами по себе достаточно бурные, скажем против произвольного повышения ренты и податей, разумеется, жестоко подавлялись. У строптивых крестьян изымали и уничтожали продукцию, применяли к ним побои, отрубание конечностей, пытки. И если последние вызывали у авторов средневековых источников явное отторжение, то к побоям и увечьям они обычно относились более снисходительно. (Исторические документы в большинстве своем написаны церковниками, которые порицали прегрешения знати, но строптивых крестьян жаловали еще меньше.)¹⁸ Подчеркну: такое происходило не со всеми, но могло произойти, и крестьяне об этом знали. Иными словами, насилие в средневековом аграрном обществе было делом обычным. Иногда крестьяне все равно оказывали сопротивление и даже преуспевали в этом, но в основном они оставались в подчинении у господ.

Часть крестьян была юридически свободна, часть — нет. В разных территориальных областях свобода — де-юре или де-факто (а это было далеко не одно и то же) — означала разное, однако несомненно предполагала полноценное участие свободного крестьянства в общественной жизни — например, в собраниях, игравших большую роль в ранне-средневековой политике, — а также возможность воззвать к правосудию. Если такие крестьяне выступали арендаторами, свобода зачастую подразумевала более низкую ренту. Зависимые крестьяне (на латыни называвшиеся *servi* или *mancipia*) разнились между собой еще больше. В древности термин «серв» подразумевал рабство: многие сервы обрабатывали землю на плантациях, пусть и относительно редких ко временам поздней Римской империи, а рабы в качестве домашней прислуги имелись во многих местностях на всем протяжении Средних веков. Однако в общем и целом в средневековый период большинство сервов были крестьянами-арендаторами. Сервы ущемлялись в гражданских правах, по определению распространявшихся лишь на свободных граждан, и не только платили более высокую ренту, но зачастую должны были выполнять неоплачиваемую, считавшуюся унижительной работу. Однако землей они пользовались на схожих со свободными крестьянами условиях, поэтому рабами их не назовешь, и я буду именовать их зависимыми. В каждом селении складывалась довольно сложная внутренняя иерархия между свободными и зависимыми арендаторами, особенно в раннем Средневековье.

С течением времени на большей части Европы эта тенденция слабела, общий статус экономически зависимых перекрывал юридические различия, и свободные часто вступали в брак с зависимыми (хотя законные такие союзы долгое время строго воспрещались). Поскольку землевладельцы усиливали гнет и по отношению к свободным арендаторам, обе категории зачастую — начиная примерно с 1000 года — оказывались в схожем юридически зависимом положении, которое часто называется «серваж» (от французского *serf*, происходящего, в свою очередь, от латинского *servus*). В раннем Средневековье крестьянские бунты зачастую возникали из-за попыток перевести свободных крестьян в категорию зависимых. К XI–XII векам гораздо чаще поводом становились непосредственные условия экономической зависимости, к тому времени более распространенной (см. главу 7), и деление на свободных и зависимых играло меньшую роль. Однако значение оно все же имело; например, и в Англии, и в Каталонии после 1200 года имелись свободные арендаторы, не считавшиеся сервами, и отмена серважа в XV веке стала важной переменной¹⁹.

Динамика взаимоотношений землевладельцев и крестьян обуславливала в Средние века не только экономическое, но и социально-политическое развитие. Она обозначала границы, присущие социальному расслоению (см. главу 10), и именно на нее опиралась вся земельная политика, о которой говорилось выше. В последующих главах мы увидим, как менялась эта динамика в разные периоды и при разных обстоятельствах: как в Северной Европе крестьянство теряло свою независимость во второй половине Средних веков (глава 5); как изменился характер сеньориального землевладения в Западной Европе XI века, принесся с собой множество дополнительных повинностей, насильственно взимавшихся с местного крестьянского населения (глава 6); как отразился экономический подъем середины средневекового периода на благополучии крестьян и господ и на выстраивании отношений между ними (глава 7); как возникло и насколько успешным было позднесредневековое крестьянское сопротивление землевладельцам и государству (глава 12). Однако на протяжении всей книги важно учитывать простую истину: богатство и политическая власть строились на эксплуатации крестьянского большинства. Вся экономическая динамика средневекового общественного строя, включая любые изменения, которые мы обычно называем экономическим «развитием» — рост числа и размеров рынков, рост городов и ремесленного производства в расчете в основном на аристократический спрос, — держалась на неравенстве между землевладельцами и крестьянами и на излишках, которые первым удавалось изъять